

**ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
(ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ)**

Научная статья

УДК 81'42

**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ И ЦИТАТНОСТЬ
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ СУДЕБНОМ ДИСКУРСЕ:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Елена Владимировна Рюмкова

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Астрахань,
Россия

khlopkova_elen@mail.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена лингвистическому анализу интертекстуальности и цитатности как ключевых механизмов конструирования смысла и легитимности в англоязычном судебном дискурсе. Рассматриваются теоретические основы интертекстуальности применительно к юридической коммуникации, анализируются функции цитирования в судебном процессе. Особое внимание уделяется лингвистическим механизмам репрезентации «чужого слова» – прямой и косвенной речи, формам пересказа и перекодирования показаний. На материале исследований судебных заседаний Великобритании и США выявляются стратегии использования интертекстуальных включений участниками процесса для конструирования доказательственной базы и реализации процессуальных позиций.

Ключевые слова: интертекстуальность, цитатность, судебный дискурс, прямая речь, косвенная речь, реконтекстуализация, прецедентные тексты, юридическая лингвистика

Для цитирования: Рюмкова Е. В. Интертекстуальность и цитатность в англоязычном судебном дискурсе: лингвистический аспект // Евразийский филологический вестник. 2026. Вып. 1 (13). С. 49–64.

**GENERAL QUESTIONS OF LINGUISTICS
(PHILOLOGICAL SCIENCES)**

Original article

UDC 81'42

**INTERTEXTUALITY AND QUOTING IN ENGLISH-LANGUAGE COURT
DISCOURSE: LINGUISTIC ASPECT**

Elena V. Ryumkova

Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia

khlopkova_elen@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the linguistic analysis of intertextuality and citation as key mechanisms for constructing meaning and legitimacy in English-language judicial discourse. The theoretical foundations of intertextuality in relation to legal communication are considered, the functions of citation in the judicial process are analyzed. Special attention is paid to the linguistic mechanisms of representation of "someone else's word" – direct and indirect speech, forms of retelling and transcoding of testimony. Based on studies of court sessions in the United Kingdom and the United States, strategies for using intertextual inclusions by participants in the process to construct an evidentiary base and implement procedural positions are identified.

Keywords: intertextuality, quotation, judicial discourse, direct speech, indirect speech, recontextualization, precedent texts, legal linguistics

For citation: Ryumkova E. V. Intertextuality and quoting in english-language court discourse: linguistic aspect // Eurasian Philological Bulletin. 2026; 1 (13): 49–64. (In Russ.).

Введение

В современном лингвистическом пространстве наблюдается устойчивый интерес к изучению институциональных типов дискурса, среди которых особое место занимает судебный дискурс. Это обусловлено не только его социальной значимостью, но и уникальной природой речевого взаимодействия, где слово обретает статус юридического факта и процессуального доказательства. Изучение лингвистических механизмов, обеспечивающих связность и преемственность судебного разбирательства, позволяет не только глубже понять природу правовой коммуникации, но и оптимизировать процессы юридического перевода, судебной лингвистической экспертизы и межкультурного правового взаимодействия.

Особую актуальность проблеме придаёт то обстоятельство, что интертекстуальность и цитатность в судебном дискурсе до настоящего времени остаются недостаточно изученными в отечественной лингвистике. Большинство исследований сосредоточено либо на общих вопросах юридического дискурса, либо на интертекстуальности в художественных и публицистических текстах. Между тем понимание того, как именно происходит трансформация «чужого слова» в ходе судебного разбирательства, каким образом выбор между прямой и косвенной речью влияет на доказательственную силу показаний и как реконтекстуализация высказываний меняет их юридическое значение, имеет не только теоретическое, но и прикладное значение для правоприменительной практики.

Теоретические основы интертекстуальности были заложены в работах М. М. Бахтина [1], Ю. Кристевой [11]. В зарубежной лингвистике проблематика интертекстуальности в юридическом дискурсе активно разрабатывается такими

исследователями, как А. Джонсон [3; 4], Ш. Тринч [15], С. Д'Ондрт и Ф. ван дер Хаувен [5]. В отечественной науке отдельные аспекты данной проблематики затрагиваются в работах А. В. Богатырева [2], Е. В. Татариновой [7], Э. Ш. Никифоровой и А. С. Смагуловой [6], В. Е. Чернявской [8]. Однако комплексного исследования, объединяющего теоретический анализ интертекстуальности с подробным разбором конкретных примеров из англоязычной судебной практики, до настоящего времени не проводилось.

Цель настоящей статьи – выявить лингвистические особенности реализации интертекстуальности и цитатности в англоязычном судебном дискурсе, определить функции цитирования и проанализировать механизмы трансформации «чужого слова» в ходе судебного разбирательства.

Достижение поставленной цели потребовало решения следующих задач:

1. Рассмотреть теоретические основы изучения интертекстуальности применительно к юридическому дискурсу и определить место цитатности в системе интертекстуальных связей.

2. Проанализировать лингвистические механизмы репрезентации «чужого слова» в англоязычном судебном дискурсе, включая прямую и косвенную речь, а также формы пересказа.

3. Выявить функции цитирования в судебном процессе и проиллюстрировать их конкретными примерами из судебной практики.

Методы исследования включают метод дискурсивного анализа, метод интертекстуального анализа, а также метод прагматического анализа.

Исследовательские результаты и их интерпретация

В современной лингвистике юридический дискурс рассматривается как сложное коммуникативное пространство, в котором взаимодействуют тексты различной жанровой принадлежности и процессуальной значимости. Криминальные судебные слушания представляют собой коммуникативные события, «которые плотно структурированы интертекстуально» [3, с. 372]. Документы дела – протоколы задержания, показания свидетелей, заключения

экспертов – активно цитируются, пересказываются и реконтекстуализируются в ходе процесса, поскольку установление юридической истины «решающим образом зависит от трансформации этих дискурсов в законные доказательства» [5, с. 3].

А. В. Богатырев в своём исследовании подчёркивает, что одним из критериев интертекстуальности в юридическом дискурсе является обязательность ссылок на предшествующие тексты [2, с. 21]. Дело не может рассматриваться изолированно – оно всегда взаимосвязано с нормативными актами и процессуальными документами. Это позволяет говорить об интертекстуальности как о системообразующем признаке юридического дискурса.

Цитатность в судебном дискурсе имеет принципиальное отличие от цитирования в художественной литературе или научных текстах. Если в литературе цитата выполняет преимущественно эстетическую или смыслообразующую функцию, то в суде цитирование – это механизм легитимации знания, способ придания высказыванию доказательственной силы.

Е. В. Татарина, исследуя судебно-следственные документы, отмечает, что «в деловых бумагах текстовые реминисценции не только возможны, но и необходимы» [7, с. 241]. Исследователь указывает на обязательность ссылок на предшествующие документы – например, формулировка «на Ваш №...» в деловой переписке, которая в судебной сфере трансформируется в развёрнутые отсылки к материалам дела.

Проведённый анализ эмпирического материала позволяет выделить несколько типов интертекстуальных включений, функционирующих в англоязычном судебном дискурсе. Каждый тип характеризуется специфическими лингвистическими маркерами и выполняет определённые процессуальные функции.

Первый тип – прецедентное цитирование. Данный тип реализуется в ссылках на ранее вынесенные судебные решения и является обязательным

элементом англо-американской правовой системы. В апелляционных решениях федеральных судов США прецедентное цитирование выполняет функцию обоснования правовой позиции и демонстрации компетентности судей. Характерной особенностью является строгая формализация таких ссылок.

Рассмотрим характерный пример из решения Апелляционного суда девятого округа по делу *Perry v. Schwarzenegger* (2010):

As the Supreme Court explained in Lawrence v. Texas, 539 U.S. 558, 578 (2003), 'the fact that the governing majority in a State has traditionally viewed a particular practice as immoral is not a sufficient reason for upholding a law prohibiting the practice.' This principle applies with equal force to the case at bar (Как пояснил Верховный суд в деле Лоуренс против Техаса, 539, 558, 578 (2003), «тот факт, что правящее большинство в штате традиционно рассматривало определённую практику как аморальную, не является достаточным основанием для принятия закона, запрещающего эту практику». Этот принцип в равной степени применим и к данному делу) [12].

В данном фрагменте судья не просто ссылается на прецедент, но использует прямую цитату из решения Верховного суда, придавая собственному аргументу дополнительный вес. Лингвистическим маркером выступает конструкция *as the Supreme Court explained*, которая вводит «чужое слово» и одновременно демонстрирует иерархическую подчинённость нижестоящего суда вышестоящему.

Второй тип – цитирование материалов дела. Этот тип включает воспроизведение показаний свидетелей, заключений экспертов, протоколов следственных действий и иных документов, собранных в ходе досудебного производства. Именно здесь наиболее ярко проявляется трансформация смысла при переходе от устной речи к письменному тексту и обратно. Например:

When apprehended, the prisoner said, 'I did it, and I'm glad of it. He deserved what he got.' These are not the words of an insane man, gentlemen. These are the words of someone who knew exactly what he was doing (При задержании

заклученный сказал: «Я сделал это, и я рад этому. Он заслужил то, что получил». Это не слова сумасшедшего, джентльмены. Это слова человека, который точно знал, что делает) [14].

Здесь прямая цитата (*I did it, and I'm glad of it*) выполняет функцию доказательства вменяемости подсудимого, причём прокурор намеренно акцентирует внимание присяжных на том, что это именно слова самого обвиняемого, а не интерпретация защитника.

Третий тип – цитирование нормативных правовых актов. Данный тип реализуется в ссылках на статутное право – законы, принятые парламентом или законодательными собраниями штатов. Характерной особенностью является точное указание на раздел, статью и параграф нормативного акта.

Например, в решении по делу *Junker v. Medical Components, Inc.* (2022) Федеральный окружной суд ссылается на раздел 35 Кодекса законов США:

Under 35 U.S.C. § 102(b), a person is entitled to a patent unless 'the invention was patented or described in a printed publication in this or a foreign country or in public use or on sale in this country, more than one year prior to the date of the application for patent in the United States' (В соответствии с § 102(b) статьи 35 U.S.C. лицо имеет право на получение патента, если только «изобретение не было запатентовано или описано в печатной публикации в этой или заграничной стране, а также для общественного пользования или продажи в этой стране более чем за год до даты подачи заявки на патент в Соединенных Штатах») [10].

Стоит отметить, что суд цитирует не только номер раздела, но и непосредственно текст закона, что позволяет избежать двусмысленности в толковании и продемонстрировать присяжным точную формулировку правовой нормы.

Таким образом, проведённая типологизация интертекстуальных включений в англоязычном судебном дискурсе позволяет заключить, что

каждый из выделенных типов выполняет специфическую процессуальную функцию и маркируется определёнными лингвистическими средствами.

Прецедентное цитирование служит инструментом выстраивания иерархии юридических авторитетов и обоснования правовой позиции через апелляцию к вышестоящим судам; цитирование материалов дела направлено на трансформацию устных показаний в письменное доказательство и может использоваться сторонами для конструирования желаемого образа подсудимого или свидетеля; цитирование нормативных актов обеспечивает точность применения закона и минимизирует риски двусмысленного толкования.

Важным выводом является то, что во всех трёх типах цитирование никогда не бывает механическим воспроизведением «чужого слова» – оно всегда сопровождается интерпретацией и реконтекстуализацией, что превращает интертекстуальность из формального приёма в действенный механизм конструирования судебной реальности и реализации процессуальных стратегий участников судоговорения.

Ключевым механизмом реализации интертекстуальности в судебном дискурсе выступает репрезентация речи – передача того, что было сказано на предыдущих стадиях процесса или за его пределами. Проведённый анализ позволяет выявить существенные различия в прагматическом эффекте прямой и косвенной речи.

Прямая речь сохраняет лексико-грамматические особенности исходного высказывания, включая эмоционально-оценочные компоненты, просторечные выражения. В судебном дискурсе прямая речь используется, когда необходимо подчеркнуть аутентичность высказывания и его эмоциональную нагрузку.

Рассмотрим следующий пример.

Прямая речь (слова потерпевшей на допросе): *He came at me screaming, 'I'm going to kill you, you worthless piece of garbage!' and I was terrified, I thought my life was over* (Он бросился на меня с криком: «Я убью тебя, ты, никчёмный кусок дерьма!» И я был в ужасе, я думал, что моя жизнь кончена) [10].

Прямая речь (воспроизведенная адвокатом): *And what were his exact words, madam? Can you tell the jury precisely what the defendant said? He said, 'I'm going to kill you, you worthless piece of garbage.', right? (И каковы были его точные слова, мадам? Можете ли вы в точности передать присяжным, что сказал подсудимый? Он сказал: «Я собираюсь убить вас, вы, никчёмный кусок дерьма». Верно?)* [10].

В данном случае использование прямой речи позволяет донести до присяжных не только фактическую информацию об угрозе, но и эмоциональный контекст происшествия. Экспрессивное выражение *worthless piece of garbage* выполняет функцию характеристики личности подсудимого и степени его агрессии.

Косвенная речь подвергает исходное высказывание грамматической и лексической трансформации. При переходе от прямой речи к косвенной происходит смена лица (первое лицо заменяется третьим), согласование времен, замена указательных местоимений и наречий, утрачивание эмоционально-оценочных компонентов.

Приведём пример и сравним два способа репрезентации одного и того же события.

Прямая речь (допрос пострадавшей): *And then he goes, 'You're nothing, you're less than nothing, I should have listened to my mother about you.' And I'm like, I can't believe this is happening to me, after everything I've done for him (И тогда он говорит: «Ты ничто, ты меньше, чем ничто, я должен был послушать свою маму о тебе». И я такая, я не могу поверить, что это происходит со мной, после всего, что я для него сделала)* [14].

Косвенная речь (составленная прокурором): *The affiant states that the defendant made derogatory statements about her character and expressed regret about their relationship (Адвокат утверждает, что обвиняемый делал уничижительные заявления о её характере и выражал сожаление по поводу их отношений)* [14].

Как видно из примера, при трансформации в косвенную речь утрачивается не только экспрессивность высказывания (*You're nothing, you're less than nothing*), но и снижается эмоциональное воздействие. Такая трансформация создаёт текст, который помогает представить пострадавшую как заслуживающего доверия свидетеля для присутствующих на судебном процессе, поскольку эмоциональность в юридическом контексте часто воспринимается как признак субъективности и потенциальной недостоверности.

В некоторых ситуациях участники процесса намеренно избегают прямого цитирования, чтобы не придавать высказыванию излишнюю значимость. Приведём пример из дела, в котором защита, представляя подсудимого как душевнобольного, использовала его слова не для инкриминирования, а для демонстрации невменяемости:

My lord, we have evidence that the prisoner has repeatedly declared himself to be the Savior of mankind. These declarations, made under circumstances that leave no doubt as to his sincerity, indicate a mind entirely divorced from reality (Милорд, у нас есть доказательства того, что заключённый неоднократно объявлял себя Спасителем человечества. Эти заявления, сделанные при обстоятельствах, не оставляющих сомнений в его искренности, свидетельствуют о том, что его разум полностью оторван от реальности) [14].

Здесь защитник намеренно избегает прямой цитаты (*declared himself to be the Savior of mankind*), используя косвенную речь, чтобы представить высказывание как свидетельство безумия, а не как богохульство, которое могло бы быть инкриминировано подсудимому.

На основе анализа теоретических источников и эмпирического исследования представляется возможным выделить следующие основные функции цитирования в англоязычном судебном дискурсе:

1. Доказательственная функция

Цитаты из показаний, экспертиз, документов служат основой для установления фактов, имеющих юридическое значение. Как подчёркивает А. Джонсон, установление юридической реальности решающим образом зависит от дифференциального веса доказательств обвинения и защиты, поэтому селективная сила цитирования является важным ресурсом [4, с. 231].

2. Легитимирующая функция

Ссылки на авторитетные источники (закон, прецедент, экспертов) придают аргументации дополнительный вес. В судебных решениях цитирование предшествующих дел выполняет функцию обоснования правовой позиции. Приведём пример ссылки из стенограммы судебного дела: *See Marbury v. Madison, 5 U.S. 137, 138 (1803)* [10]. Такая ссылка не просто указывает на источник, но и апеллирует к авторитету Верховного суда США и устоявшейся правовой доктрине. Интертекстуальность в апелляционных решениях служит для признания компетентности судей в профессиональном сообществе [5, с. 2].

3. Аргументативная функция

Цитаты используются для построения логических цепочек умозаключений, подтверждения или опровержения версий событий.

4. Идентифицирующая функция

Через цитирование конструируются идентичности участников процесса.

Анализ эмпирических данных позволяет утверждать, что функциональный диапазон цитирования в англоязычном судебном дискурсе выходит далеко за пределы простого воспроизведения фрагментов текста и охватывает несколько взаимосвязанных аспектов юридической коммуникации. Доказательственная функция цитирования обеспечивает фактическую основу судебного разбирательства, превращая отдельные высказывания в элементы доказательственной базы, причём селективный характер цитирования позволяет сторонам акцентировать те фрагменты, которые наиболее выгодны для их процессуальной позиции. Легитимирующая функция реализуется через

апелляцию к институциональным авторитетам – вышестоящим судам, законодателю, экспертному сообществу, что не только усиливает убедительность аргументации, но и демонстрирует включённость судьи или адвоката в профессиональное правовое сообщество, его компетентность и следование устоявшимся нормам юридической практики. Аргументативная функция цитирования проявляется в использовании цитат как строительных блоков логических конструкций, позволяющих выстраивать непротиворечивые версии событий и подводить их под соответствующие правовые нормы. Наконец, идентифицирующая функция цитирования играет ключевую роль в конструировании процессуальных образов участников судебного разбирательства: через отбор, переформулирование и контекстуализацию высказываний формируется образ «заслуживающего доверия свидетеля», «опасного преступника», «невменяемого подсудимого» или «добросовестного истца». Важно подчеркнуть, что все перечисленные функции реализуются не изолированно, а в тесном взаимодействии, образуя сложный функциональный комплекс, в котором каждая цитата одновременно выполняет несколько задач: устанавливает факт, подтверждает авторитет, обосновывает вывод и конструирует идентичность. Это функциональное многообразие подтверждает тезис о том, что цитирование в судебном дискурсе представляет собой не технический приём, а фундаментальный механизм конструирования юридической реальности, от которого зависит исход судебного разбирательства.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать ряд выводов относительно природы интертекстуальности в англоязычном судебном дискурсе. Интертекстуальность и цитатность представляют собой фундаментальные свойства англоязычного судебного дискурса, обеспечивающие его целостность и процессуальную связность. Через цитирование и пересказ предшествующих текстов реализуется механизм преемственности судебного разбирательства,

связывающий воедино досудебное производство, судебное следствие и вынесение приговора.

Лингвистический анализ интертекстуальных практик позволяет показать глубинные механизмы конструирования юридической реальности. Выбор между прямой и косвенной речью, степень полноты цитирования, включение или исключение эмоционально-оценочных компонентов – все эти языковые явления обретают в суде доказательственное значение и влияют на судьбы людей [13].

Перспективными направлениями дальнейших исследований представляются сопоставительный анализ интертекстуальных практик в различных правовых системах, изучение роли цифровых технологий в трансформации интертекстуальных связей, а также исследование восприятия цитат присяжными и иными участниками процесса, не обладающими специальными юридическими знаниями.

Список литературы:

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
2. Богатырев А. В. Функционирование фигур интертекста в современном юридическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2016. 168 с.
3. Джонсон А. Преследующее доказательство: цитирование подсудимого в судебном дискурсе Олд-Бейли XIX века // Прагматика цитирования тогда и сейчас. Берлин: De Gruyter Mouton, 2015. С. 369–400.
4. Джонсон А. Юридический дискурс: процессы создания доказательств в специализированных юридических корпусах // Прагматика дискурса. Берлин: De Gruyter Mouton, 2014. С. 525–554.
5. Д'Ондрт С., ван дер Хаувен Ф. Цитирование из материалов дела: как интертекстуальные практики формируют дискурс на различных стадиях юридической траектории // Язык и коммуникация. 2014. Т. 36, С. 1–6.

6. Никифорова Э. Ш., Смагулова А. С. Интертекстуальность в американском судебном дискурсе: характерные особенности // Молодой учёный. 2024. № 33 (532). С. 62–64.

7. Татарина Е. В. Текстовая реминисценция как способ реализации интертекстуальности в судебно-следственных документах // Молодой ученый. 2013. № 1 (48). С. 241–243.

8. Чернявская В. Е. Интертекстуальность и интердискурсивность // Текст - Дискурс - Стил. Коммуникации в экономике: Сб. науч. ст. СПб.: Изд-во СПб. ГУЭФ, 2003. С. 23–42.

9. Cotterill J. Language in the legal process. Palgrave Macmillan, 2002. 304 p.

10. Junker V. Medical Components, Inc. URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/cafc/21-1649/21-1649-2022-02-10.html> (дата обращения: 01.03.2026).

11. Kristeva J. Word, Dialogue, and Novel // Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art. 1986. P. 64–91.

12. Perry v. Schwarzenegger (2010). URL: https://en.wikisource.org/wiki/Perry_v._Schwarzenegger (дата обращения: 25.02.2026).

13. Robert C. Vines – Ethical Violations Complaint. URL: <https://oneildardenjr2017.com/robert-c-vines-ethical-violations-complaint/> (дата обращения: 01.03.2026).

14. State of Florida v. George Zimmerman: Affidavit of Probable Cause – Second Degree Murder. https://archive.org/stream/335987-state-of-florida-vs-george-zimmerman-affidavit/335987-state-of-florida-vs-george-zimmerman-affidavit_djvu.txt (дата обращения: 26.02.2026).

15. Trinch S. Disappearing Discourse: Performative Texts and Identity in Legal Contexts // Critical Inquiry in Language Studies. 2010. Vol. 7, № 2–3. P. 207–229.

References:

1. Baxtin M. M. E`stetika slovesnogo tvorchestva. M.: Iskusstvo, 1979. 423 s.
2. Bogaty`rev A. V. Funkcionirovanie figur interteksta v sovremennom yuridicheskom diskurse: dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2016. 168 s.
3. Dzhonson A. Presleduyushhee dokazatel`stvo: citirovanie podsudimogo v sudebnom diskurse Old-Bejli XIX veka // Pragmatika citirovaniya togda i sejchas. Berlin: De Gruyter Mouton, 2015. S. 369–400.
4. Dzhonson A. Yuridicheskij diskurs: processy` sozdaniya dokazatel`stv v specializirovanny`x yuridicheskix korpusax // Pragmatika diskursa. Berlin: De Gruyter Mouton, 2014. S. 525–554.
5. D`Ondt S., van der Xauven F. Citirovanie iz materialov dela: kak intertekstual`ny`e praktiki formiruyut diskurs na razlichny`x stadiyax yuridicheskoy traektorii // Yazyk i kommunikaciya. 2014. T. 36, S. 1–6.
6. Nikiforova E`. Sh., Smagulova A. S. Intertekstual`nost` v amerikanskom sudebnom diskurse: xarakterny`e osobennosti // Molodoj ucheny`j. 2024. № 33 (532). S. 62–64.
7. Tatarinova E. V. Tekstovaya reminiscenciya kak sposob realizacii intertekstual`nosti v sudebno-sledstvenny`x dokumentax // Molodoj ucheny`j. 2013. № 1 (48). S. 241–243.
8. Chernyavskaya V. E. Intertekstual`nost` i interdiskursivnost` // Tekst - Diskurs - Stil`. Kommunikacii v e`konomie: Sb. nauch. st. SPb.: Izd-vo SPb. GUE`F, 2003. S. 23–42.
9. Cotterill J. Language in the legal process. Palgrave Macmillan, 2002. 304 p.
10. Junker V. Medical Components, Inc. URL: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/cafc/21-1649/21-1649-2022-02-10.html> (дата обращения: 01.03.2026).
11. Kristeva J. Word, Dialogue, and Novel // Desire in Language: A Semiotic Approach to Literature and Art. 1986. P. 64–91.

12. Perry v. Schwarzenegger (2010). URL: https://en.wikisource.org/wiki/Perry_v._Schwarzenegger (дата обращения: 25.02.2026).

13. Robert C. Vines – Ethical Violations Complaint. URL: <https://oneildardenjr2017.com/robert-c-vines-ethical-violations-complaint/> (дата обращения: 01.03.2026).

14. State of Florida v. George Zimmerman: Affidavit of Probable Cause – Second Degree Murder. https://archive.org/stream/335987-state-of-florida-vs-george-zimmerman-affidavit/335987-state-of-florida-vs-george-zimmerman-affidavit_djvu.txt (дата обращения: 26.02.2026).

15. Trinch S. Disappearing Discourse: Performative Texts and Identity in Legal Contexts // Critical Inquiry in Language Studies. 2010. Vol. 7, № 2–3. P. 207–229.

Информация об авторе:

Е. В. Рюмкова – старший преподаватель, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева

Information about the author:

E. V. Ryumkova – senior lecturer, Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.03.2026; одобрена после рецензирования 14.03.2026; принята к публикации 15.03.2026.

The article was published 02.03.2026; approved after reviewing 14.03.2026; accepted for publication 15.03.2026.